
В этот момент в зал упругой энергичной походкой вошел высокий мужчина лет тридцати с небольшим, одетый в безупречно белую рубашку с коротким рукавом, на которой переливался ярко-желтый галстук и блестел новый бэйджик. На лице сияла не менее блестящая голливудская улыбка. Он был настолько похож на идеального трейдера из тех, кого так любят запечатлевать на журнальных фото, украшающих статьи на финансовые темы, что казался предметом общего подчеркнуто делового интерьера конторы. Некоторую индивидуальность его облику добавляли лишь круглые очки а-ля Гарри Поттер.

Подождав, пока в ответ на его появление из отсеков покажутся как минимум головы всех десяти трейдеров, он окатил присутствующих эмоциональной волной благополучия и, тут же сменив улыбку на ухмылку, заговорил несколько не вязавшимся с его обликом высоким, почти писклявым голосом:

— Добро пожаловать на борт, господа... и дамы (легкий кивок в сторону единственной в зале девушки). Кто из вас кто, разберемся позже, хотя меня больше интересует, кто из вас *что*. В смысле, кто чем сможет удивить меня на ринге, то есть на рынке... Девушка, не надо щуриться, пытаюсь разглядеть мой бэйдж, меня вы все будете называть просто «шеф».

«Начитался Акунина», — хмыкнул про себя Петя, — «а скорее, кино посмотрелся».

— Судя по этим бумажкам (Шеф небрежно помахал принесенной с собой папочкой), вы все успешно сдали вступительные экзамены, чем, судя по вашим физиономиям, ужасно гордитесь.

Чтобы сразу расставить знаки препинания, сообщаю, что буквально за пару дней я постараюсь разубедить вас в вашей исключительности. И в этом мне поможет, простите за каламбур, метод исключения.

От его явно отрететированной речи просто разило самодовольством. При этом он продолжал перемещаться по залу своей подпрыгивающей походкой, чем, вкупе с круглыми очками, немедленно вызвал ассоциации с лягушонком Кермитом из «Мuppet-шоу».

— Правила торговли обычные, надеюсь, они вам известны. Разрешается маргинальная торговля: «плечо» — два к одному, «шорт» — один к одному под деньги и «голубые фишки». Короче, все как у больших пацанов.

Обратите внимание сюда. — Кермит подскочил к экрану на входе, тому самому, по которому Петя сверял фамилии входящих в зал трейдеров, и постучал по нему папкой. — С этого дня вы можете больше не тратить время на гороскопы — все, что вам нужно знать о вашем будущем, вы каждое утро сможете прочесть на этом экране. А по вечерам риск-менеджер, с которой вы познакомитесь позже, будет подбивать результаты вашей торговой деятельности. Котировки реальные, деньги, смею вас заверить, тоже самые что ни на есть настоящие, причем для вас они чужие, и потому требуют аккуратного к себе отношения. Каждый раз здесь будет указана ваша фамилия и текущая доходность — все просто. Увидели себя в «зеленой зоне» — так и быть, живите. Если же вас впишут красным маркером — у вас есть время до конца недели, чтобы позеленеть. Не пустите ростки к закрытию пятничных торгов — имеете шанс получить предупреждение, в зависимости от того, как мы оценим ваши недельные старания. Просадите на конец любого дня больше пяти процентов — автоматически получаете желтую карточку, соберете две желтые карточки за месяц — получаете пинок под зад. Закончите день на минус десяти процентах — получите пинок сразу. Что не ясно? — среагировал оратор на поднявшийся ропот новоявленных трейдеров.

— А если плюс десять процентов? — ехидно поинтересовался один из Футболистов.

— Значит, можете надеяться, что ваша агония здесь продлится дольше, — осклабился в его сторону Шеф.

— И все?! А вот тут написано... — зашелестел страницами своего контракта второй «москаль».

— Что там написано, я знаю, а вот вы, молодой человек, похоже, умеете хорошо видеть только то, что вам нравится, а это очень плохая черта для трейдера. Такие упертые ребята предпочитают торговать по-ослиному, до конца цепляясь за убыточную позицию, которую они открыли исходя из стукнувшей по их дурной башке некой «гениальной» инвестиционной идеи. Они упираются и отказываются верить в то, что рынок считает иначе. А не верить рынку нельзя, потому что рынок всегда прав... так же, как и я. — Grimаса, скривившая лицо Шефа во время произнесения этой поучительной тирады, вновь сменилась лучезарной улыбкой. — Поэтому, прежде чем задавать глупые вопросы, советую внимательно прочесть текст, под которым вы все расписались. Его сочиняли профи — вам не чета. А если при внимательном прочтении вам, — указующий перст Лягушонка уткнулся в задавшего вопрос Футболиста, а голос перескочил на петушиный фальцет, — ...что-то там не понравится, рекомендую обратить особое внимание на пункт 13, где сказано, что в случае появления у вас желания расторгнуть контракт вы обязаны возместить компании издержки, связанные с вашим обучением, в размере десяти тысяч долларов США! Потраченные же мной на вас нервы, можете, так уж и быть, считать бесплатным бонусом, господин Шилов Алексей Григорьевич, одна тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, любитель бумажек второго эшелона, смею утверждать, совершенно случайно срубивший при отборочном конкурсе доходность на *эпте* «Иркут», занявший в результате первое место и по этому поводу возомнивший себя рыночным гуру! В каком месте я ошибся?

Судя по растерянному виду парня, выданная Шефом информация была точна. Обезоруживало то, что он выдал ее, не загля-

нув в бумаги и безошибочно идентифицировав личность парня, несмотря на отсутствие бэйджика на его футболке. Воцарившееся молчание, похоже, вполне заменило довольному произведенным эффектом Лягушонку бурю оваций.

Вдоволь насладившись, он раскрыл папку и двинулся по периметру зала, выдавая каждому запечатанный конверт с надписанной сверху фамилией.

— В этих конвертах пароли доступа к вашим персональным торговым терминалам. Рекомендую выучить свой код наизусть, а бумажку хорошенько разжевать и проглотить. Там же лежит ваш персональный электронный ключ для входа в офис. Он же служит пропуском для охраны на входе в здание. Да, кстати! По поводу договорных прав и обязанностей... — Кермит через плечо бросил взгляд на притихшего Шилова. — Кроме прочего, в конвертах лежит ваша первая премия, скажем так, за успешное преодоление начального этапа конкурсного отбора, хотя этих денег мы вам и не обещали, не так ли?

Из уже обойденных Шефом отсеков послышалось шуршание бумаги — народ поспешил убедиться в реальности неожиданного подарка. Продолжая обход, Кермит задержался около отсека Технаря.

— Мой юный друг, родители знают, что вы здесь?.. Не хмурьтесь, я шучу! Мне даже приятно видеть интерес столь молодого человека к рынку и к работе в нашей компании. И все же у меня есть к вам одно замечание, — он указал пальцем на стол в отсеке Технаря. — Здесь имеется все необходимое вам для работы, поэтому посторонние ноутбуки и прочие средства офисной техники использовать запрещено! Это понятно?

— А могу я установить на ваш компьютер свои программы для технического анализа? — заволновался Технарь.

— На мой не нужно, а вот на свой, — Шеф снова указал на стоящий в отсеке компьютер, — это сколько угодно. Но, если он после этого сломается, и наши компьютерщики скажут, что вы притащили вирус, заплатите штраф и вызовем в школу родителей.

— И «аську»¹ можно?

— Можно! — растянутая до ушей улыбка окончательно снимала сомнения в вопросе сходства Шефа с лягушонком. — Каким будет ваше третье желание, юноша? Дайте угадаю. Наверняка вы хотели бы, чтобы во время работы в зале звучала ваша любимая музыка, не так ли? Что вы предпочитаете? Atomic Kitten? Franz Ferdinand? Или, может быть, Rammstein?

Проявив эрудицию в вопросах современной молодежной музыки, Кермит продолжил обход отсеков. Последним конверт получал Старик. Шеф задержался и некоторое время всматривался в лицо трейдера, как будто что-то вспоминая. Так и не определившись, он смачно захлопнул папочку.

— Ну-с! Предлагаю вам всем переключить свои пламенные взоры с меня на котировки. Да! Учитывая проявленную вами в нашей ознакомительной беседе стеснительность, отвечаю на невысказанные вопросы: туалеты расположены в конце коридора вашего крыла, в правое от лифтов крыло офиса вход вам запрещен.

Наша компания и я лично не поощряем курение, поэтому курить в помещениях офиса, включая туалет, — нельзя! Но! — Лягушонок взмахнул папкой, останавливая поднявшийся ропот. — Вам, как стажерам, будет сделана поблажка. В конце коридора вы наверняка видели дверь, она ведет на запасную лестницу. Электронные ключи, которые, напоминая, лежат в ваших персональных пакетах, подходят и для ее замка. Эта лестница уже не является территорией нашей компании, поэтому там курить можно, хотя, повторяю, не рекомендуется. Выход с этой лестницы во двор забит, так что для ухода с работы и прихода на работу пользуйтесь, пожалуйста, уже пройденным вами сегодня маршрутом. Тем более что время появления в офисе и исчезновения оттуда будет фиксироваться при открытии вами именно замка, стоящего на основном входе в крыло.

¹ «Аська» — просторечное русифицированное название популярной программы для общения по сети Интернет — ICQ.

Не пугайтесь. Для тех, кто будет в плюсе, режим работы щадящий. На опоздания в пределах часа я могу закрыть глаза. Нужно отлучиться — предупредите меня или мою помощницу Евгению Михайловну. Но, повторяю, поблажки только тем, кто в плюсе! В конце концов, и ваш заработок, и ваша карьера в ваших руках.

— Что-то я слишком добр сегодня. Чем бы вас пострашать?.. — с этими словами он подошел вплотную к тут же вспотевшему Абрамову и произнес тоном немецкого офицера на допросе: — Передача личной карточки кому бы то ни было, равно, как и провод на территорию офиса посторонних лиц карается немедленным увольнением все на тех же условиях возмещения наших издержек. Это ясно?

Толстяк усиленно закивал.

— Хорошо. В соседнем здании есть недорогое кафе, у метро — «Макдоналдс». Пользоваться стоящими тут кулером, кофеваркой и микроволновкой можно, если вы обещаете не заливать жидкостью клавиатуру, а в микроволновку не совать яйца. Впрочем, раз вы решили пободаться с фондовым рынком, они у вас должны быть железными. Сорри за мужской трейдерский юмор, мисс, — Кермит крутнулся на каблуках и одними губами улыбнулся Инне. — Честно говоря, не ожидал встретить среди победителей нашего конкурса девушку. Надеюсь, вас не затруднит следовать не слишком суровому уставу нашего монастыря, и вы сможете доказать мне, что наше знакомство не было случайным.

Ну все! Let's go! Помните, время, которое у нас есть, — это деньги, которых у нас нет, так что заработайте-ка уже к вечеру кучу бабок, и мы подружimsя, о'кей?! Если что, дверь моего кабинета вторая направо по коридору.

Одарив присутствующих очередной лучезарной улыбкой, Кермит вышел из зала. Дверь медленно закрылась.

— Ко-зел! — Футболист, оказавшийся Шиловым, показал закрытой двери непристойную комбинацию пальцев.

Дверь приоткрылась и в образовавшемся проеме снова возникла голова Шефа.

— Чуть не забыл предупредить! Большой Брат смотрит на вас. — Он указал пальцем куда-то прямо над головой Пети. — Не то чтобы мы вам не доверяли, просто в ваших интересах заранее привыкнуть к обстановке, в которой работают настоящие трейдеры. Разговоры по телефону тоже записываются. Вот теперь все. За работу!

В углу зала, сразу за Петиним отсеком, под высоким потолком, метрах в трех от пола висела видеокамера, направленная на отсеки, расположенные у правой стены. Точно такая же камера висела в противоположном по диагонали углу, над отсеком Абрамова, и держала в поле своего зрения отсеки левой стороны.

Камеры вызвали живой интерес у Технаря и Антона, которые тут же отправились их рассматривать, перебрасываясь при этом техническими терминами. Довольно быстро они пришли к выводу, что камеры передают видеоизображение, но не звук.

Тем временем Футболисты двинулись к двери, громогласно сообщая, что после общения с «этим идиотом» им необходимо перекурить. За ними последовали еще несколько человек. Встал со своего места и Петя. Проходя мимо, он заглянул в отсек Инны. Девушка надела очки в тонкой оправе и ощущение простоватости ее лица сразу улетучилось.

— С новосельем! — он изобразил свою самую чарующую улыбку. — Как устроились?

— Спасибо, Петр, неплохо. Кстати, вы не заметили, похоже, тут уже все называют друг друга на «ты». — Она подарила ему ответную улыбку.

— Что ж, придется и нам последовать суровому уставу этого монастыря. Только тогда зови меня Пит, о'кей?

— Тогда и ты называй меня Мелиссой... Шучу! — засмеялась она.

«Ты прав, она вовсе не средненькая», — сообщил Петя своему внутреннему голосу.

- Инна, вы... ты куришь?
- Только когда выпью, — она успешно поддерживала веселую тональность разговора. — Иди уже травись, я обещаю не умереть за это время от скуки.

К приходу задержавшегося Пети его коллеги уже облюбовали для курения площадку между пятым и шестым этажом, где почти всю стену занимало высокое зарешеченное и давным-давно не мытое окно («нейтральная территория», — вспомнил Петя слова менеджера). В качестве пепельницы использовалась невесть откуда появившаяся пустая банка из-под кофе.

Лестница, которую менеджер обозвал запасной, была достаточно массивна и широка. Несомненно, раньше именно она служила главной магистралью этого дома, начинаясь от ныне заколоченного парадного входа, выходявшего во двор. Еще не видевшему его Пете этот вход представился монументально массивной противоположностью тем невзрачным дверям подъездов этого же дома, которые были обращены на проспект и в одни из которых Петя вошел два часа назад. «Вот уж действительно правы питерцы, делая различие между словами “парадное” и “подъезд”», — подумал он.

Прислушавшись, можно было различить голоса, долетавшие сюда с нижних этажей. Видимо, там тоже курили сотрудники различных квартирующих в доме контор. Мелькнула мысль: «Надо будет как-нибудь сходить на разведку».

Курение — безусловно, вредная привычка, но вот чего у него не отнять, так это объединяющей функции. Не счастье полезных знакомств, которые никогда бы не состоялись, если б не потребность покурить и использование для этой цели специально отведенных мест. Даже в купе поезда дальнего следования можно так и не завести беседу с попутчиком, но, выйдя вместе с ним покурить в тамбур и попросив для затравки огоньку у собрата по вредной привычке, вы многократно увеличиваете шансы вернуться в купе уже хорошими приятелями.

Вместе с Петей курящих оказалось шестеро. Футболисты, объединившись с атлетичным Гожиным, оккупировали один из углов

площадки и банку-пепельницу. Ближе к другому углу разместился Старик, который курил, задумчиво взирая в окно, но был вынужден периодически перемещаться по площадке, чтобы сбросить в банку пепел со своей сигареты. Где-то между ними топтался Якимов. Он прислушивался к разговору компании, явно выжидая подходящего момента, чтобы поучаствовать. Ему удалось это сделать как раз в тот момент, когда на площадку спустился Петя:

— Ну, что, мужики, как думаете, отберут «ЮКОС» у Ходора? — Якимов выбрал беспроектную для объединения незнакомых людей тему. Дело Ходорковского все еще не сходило с экранов и газетных полос. Кроме того, оно самым непосредственным образом оказывало влияние на фондовый рынок, а потому затрагивало за живое каждого из присутствующих. Даже Старик заинтересованно приблизился к молодой компании.

— Блин! Не напоминай, я столько бабок потерял, когда его арестовали, — тут же отозвался Шилов. — Прикиньте, только влез в бумаги «с плечами» и тут вечером его берут, вот это был попадос, блин!

— Я примерно так же попал, когда в Нью-Йорке «близнецов» замочили, — внес свою лепту Гожин. — Тоже только с утра 11-го закупились на все, а вечером как понеслось! И рад бы продать, да не берет никто. Надо было, конечно, сразу по рынку скидывать, да жаба душила. Заявку ставлю по лучшей продаже, а покупка как дно из-под ног — все ниже и ниже уходит.

— Я думаю, что отберут, а самого посадят, правда, ненадолго, — постарался вернуть разговор к начатой теме Якимов. Было видно, что ему есть чем поделиться с собеседниками.

— Да нет, вряд ли, — решил вступить в разговор Петя. — *Нерезы* разбегутся. Инвестиционный климат и все такое.

«Все такое, — передразнил его внутренний голос. — Ты как электронный переводчик, в зависимости от собеседников включаешь подходящий словарь, чтобы, не дай Бог, не выделиться лексиконом из общей массы».

— Точно, — поддержал Петю Шипилов, — Путину сейчас не резон с америкосами ссориться.

— Да ладно, — неожиданно не согласился с приятелем Шилов, — кто испугался, все уже слиняли, а тем, кто остался, уже по фигу эта национализация. Новые, конечно, не придут, пока все не утихнет, ну и хрен с ними. Из-за их пугливых грошей уйти «ЮКОСу» на Запад никто не даст.

— Разрешите вас поддержать, Алексей, — подал голос Старик. — Объединенная с «Сибнефтью» «ЮкСи» — это четвертая в мире нефтяная компания. Думаю, что это объединение с целью дальнейшей продажи активов на Запад и стало причиной ареста Ходорковского. В данном случае «подписка о невыезде» его *акций* была важна гораздо более, чем лишение свободы передвижения их владельца.

— А мне кажется, что Ходора посадили из-за того, что он в политику полез. Но силенки не рассчитал. Ну, тут винить ему некого. Как говорили у нас в армии, кто куда хотел, тот туда пошел.

— Ты что, в армии служил? — удивился Шипилов.

— А чего ты удивляешься? Не все ж такие косари, как ты с Шилом.

— А я вообще думаю, что по поводу «ЮКОСа» у правительства очень серьезные планы, — вновь включился в собственную тему Якимов. — Может, я не прав, конечно, но можно же крутую идею реализовать под девизом «Вернем награбленное народу!».

— Типа снова социализм?

— Не социализм, а социальный капитализм! Просто нужно вложить в «ЮКОС» государственный пенсионный фонд!

— Как вы себе это представляете? — Старик явно проявлял к разговору все больше интереса.

— Да очень просто. Сейчас правительство прокачивает свою идею сделать пенсию персонально накопительной, правильно? А вкладывать пенсионные деньги в России некуда. На Западе есть куда, но это вопрос национальной безопасности. Прироста пенсионного капитала нету, плюс еще, — а точнее, «минус», — инфляция. В итоге денег не хватает даже для того чтобы просто пенсии платить. А вот если отдать под это дело ЮКОС, то у каждого, кто перечисляет деньги в пенсионный фонд, будет появ-

ляться соответствующее размерам взносов количество акций, которые нельзя продавать. На эти акции начисляются дивиденды, десять процентов, а то и двадцать ради такого дела каждый год можно сделать легко. Эти деньги тоже инвестируются в акции. Плюс они сами по себе в цене растут за счет производства. Выходит человек на пенсию, его накопленные акции автоматически начинают продаваться долями по текущей цене, а деньги выплачиваются в виде нехилой пенсии.

— Ну, ты замутил, — Гожин по-приятельски похлопал расплывшегося Якимова по плечу. — Это уже какой-то государственный «МММ» получается.

— А разве сейчас пенсионная система работает по-другому? — усмехнулся Старик. — Новые поколения финансируют пенсионное обеспечение предыдущих.

— Никакой не «МММ»! — Якимов был явно рад высказать свою революционную идею. — «МММ» питался деньгами новых вкладчиков, а «ЮКОС» — это производство, он будет работать, получать прибыль и дорожать, независимо от того, сколько у него акционеров. Это как бы кусок государственной экономики, работающий на социальную сферу, обеспечивающий покрытие всех затрат в этом направлении, да еще и продолжающий при этом приносить государству налоги.

— И кроме того, тогда можно будет действительно убедить стариков в том, что российские недра снова принадлежат народу. А то они сейчас только плюются, когда видят по телевизору этот ролик про «Газпром — национальное достояние», — внес Петя свою лепту в общий разговор.

— Точно! — пуще прежнего расцвел Якимов. — Социальная справедливость без нарушения капиталистических принципов. Ведь на Западе пенсионные фонды — это основные игроки на фондовых биржах. Про Fidelity, который объединяет триста сорок паевых фондов, слышали, небось? У них денег в управлении восемьсот миллиардов долларов. Их доля операций на американском фондовом рынке — десять процентов от общего оборота. Если б у нас пенсионные деньги запулить на рынок, тоже не меньше было бы. А ин-

декс тут же улетел бы за тысячу пунктов и уже ниже не опускался бы, потому что пенсионные взносы — это стабильный источник новых денег. Ну, может же правительство такую штуку забросить?

— Может, конечно! Но только если ты, Серега, станешь нашим премьер-министром, или хотя бы Зурабова в Пенсионном фонде заменишь. — Шилов положил руку на плечо Якимова, как бы посвящая его в рыцари. — Я буду звать тебя Зурабом, что б ты заранее привыкал, ладно?

— Угу, а я тебя — «Шило в заднице».

Вся компания весело засмеялась и начала выяснять, кого как следует называть. Контакт был налажен.

Вернувшись в зал, Петя ощутил укол ревности. Проходя мимо отсека Инны, он увидел за компьютером не только ее саму, но еще и Антона, который что-то увлеченно ей объяснял. Ревность была необоснованной ввиду отсутствия между Петей и Инной каких-либо особенных отношений, но все же... Возвращения соседа с перекура Инна и Антон даже не заметили, поэтому Пете ничего не оставалось, как пройти на рабочее место и включить, наконец, торговый терминал.

Фактически он ничем не отличался от того, с помощью которого Пит торговал на виртуальных торгах, особенно после установки ставших привычными настроек. Самым существенным отличием были цифры, стоящие в нижней строке его пока пустого «портфеля». Они сообщали, что Питу предстояло управлять счетом, составлявшим три миллиона рублей живых денег! А с учетом возможности использовать двойное маргинальное «плечо» — все шесть миллионов! По сравнению со ста тысячами виртуальных рублей, «выдаваемых» участникам первого этапа конкурса, да и по сравнению с любой суммой, доселе находившейся в Петинем распоряжении, степень доверия брокеров внушала трепет. «Интересно, всем ли дали одинаковые суммы?», — подумал Петя, но проверять не побежал.

Торги были уже в полном разгаре. Пит настроил обновление котировок на пять секунд и теперь изучал рыночную обстанов-

ку. Рынок осторожно рос, основные фишки с утра поднялись в пределах одного процента, акции «ЮКОСа» Пит даже не стал открывать в настройках, несмотря на то, что они стали лидерами роста в пятницу (на которую, между прочим, выпало в этом месяце 13-е число), прибавив за день больше двенадцати процентов. Пит все никак не мог привыкнуть к тому, что *дневной* рост акций, превышавший *годовую* доходность по банковским депозитам, для фондового рынка не являлся чем-то из ряда вон выходящим. Возможно, это неприятие удерживало его от рискованных операций с теми бумагами, которые были склонны к подобным взлетам и падениям, то есть, говоря биржевым языком, имели высокую *волатильность*. Вообще в прошедшую пятницу, то есть на предыдущих торгах, вверх подскочил весь рынок. Индекс РТС вырос более чем на три процента. «А всего и причин-то — для оценки подлежащей конфискации у «ЮКОСа» компании «Юганскнефтегаз» привлекли независимых западных аудиторов, — усмехнулся Пит. — Рынок, уставший от обилия негатива, принимает на ура любую положительную новость. Надо бы это учесть».

Слабее рынка выглядел «Ростелеком». Пит уже собрался было купить какое-то количество этих акций в надежде, что они предпримут попытку догнать остальные фишки, но, снова увидев перед собой ждущие его распоряжений три миллиона, остановился и решил для начала сделать обзор результатов торгов на иностранных биржах. Американские индексы Dow-Jones, S&P и Nasdaq выросли соответственно на 0,11, 0,15 и 0,27 %. Европейские, напротив, упали в пределах процента, а вот открывающийся задолго до российского рынка японский Nikkei к настоящему моменту потерял уже почти полтора процента. «Какого ж черта наш рынок начал сегодня с роста? Может быть, дело в нефти? — Пит открыл нефтяные котировки. — Точно, нефть выросла и в Лондоне, и в Нью-Йорке. Значит, нефтяные фишки пытаются тянуть рынок вверх. Вопрос в том, хватит ли у них на это сил? Так, а что там с новостным фоном?» Новости выглядели безрадостно. Заголовки кричали о том, что министр

обороны США предупредил нашего министра иностранных дел о решении своей страны провести глобальное перемещение военных баз с целью учета новых мировых угроз. При этом данное перемещение, направленное на борьбу с терроризмом, приводило в итоге к приближению войск НАТО к российским границам. «Продавать! И чем быстрее, тем больше, — решил Пит. — Нефтянку трогать не буду, а вот остальной рынок ей в одиночку не вытянуть. Кого же продать?.. «Ростелеком!»»

Он заполнил на экране и, глубоко вздохнув, отправил на исполнение заявку на *продажу* «в шорт» двух тысяч акций «Ростелекома», то есть акций, которые всего пять–десять минут назад он собирался *покупать*. Удалось продать по 54,6, сумма сделки составила около ста десяти тысяч рублей. На фоне трех миллионов она смотрелась более чем скромно. «Придется тебе привыкать к новым масштабам сделок», — сказал себе Пит и послал на продажу еще две тысячи акций. Покупать по 54,6 желающих уже не нашлось, цена ушла ниже. Отдал по 54,56. В итоге первое торговое решение на реальном рынке оказалось «медвежьим», несмотря на то, что обычно Пит, как, наверное, каждый нормальный человек, мыслил, опираясь на принцип: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное». Он открыл короткую позицию, то есть продал «в шорт», или в долг, четыре тысячи акций по средней цене 54,58 руб. за штуку. При этом образовавшийся долг в акциях компенсировался увеличением суммы денег на его счете на двести восемнадцать тысяч двести девяносто восемь рублей. Теперь в интересах Пита было бы падение цены акций «Ростелекома», ведь взятые в долг бумаги рано или поздно придется отдавать, а значит, совершить для закрытия позиции обратную операцию, то есть выкупить назад все те же четыре тысячи акций. В результате итоговая прибыль может быть получена только в том случае, если откупить их удастся по цене ниже 54,58 руб. Желательно — значительно ниже.

В «стакане» «Ростелекома» наблюдалось примерное равновесие сил. Объемы, выставленные на продажу по десяти лучшим

ценам, примерно соответствовали объему спроса, естественно, по более низким ценам. В центре «стакана», цены спроса и предложения вели окопную перестрелку на расстоянии трех–пяти копеек друг от друга. Сейчас лучшие цены покупки и продажи составляли соответственно 54,53 и 54,58 руб. Таким образом, цена продажи уже опустилась до того уровня, на котором Пит мог бы закрыть свою позицию почти без убытка, ведь средняя цена его продажи была как раз 54,58. Оговорка «почти» образовывалось потому, что приходилось учитывать хотя и мизерную (одна сотая процента от объема каждой сделки), но все же имеющую место быть биржевую комиссию. «Хорошо, что брокер с меня ничего не берет, — подумал Петя, — все-таки отдавать ему десять рублей с каждой тысячи объема не так уж безболезненно, как кажется на первый взгляд».

В этот момент по «стакану» пробежала более заметная, чем раньше, волна числовых изменений — результат крупной сделки. Кто-то разом «слил по рынку» порядка семидесяти тысяч акций, выполнив, таким образом, заявки покупателей сразу по нескольким убывающим ценам. Лучшая цена продажи пока осталась на прежнем уровне — 54,58, а вот строки с заявками на покупку по цене выше 54,50 исчезли. «Это действительно похоже на “Тетрис”, — подумал Пит. — Ну, давайте же! Продавайте дальше!» Неизвестный продавец не заставил себя долго ждать. Очередной удар по позициям покупателей оказался мощнее предыдущего и удовлетворил всех, кто хотел купить эти акции по цене выше 54,40. Всего минуту назад уровень 54,50 был лучшей ценой *спроса*, и вот уже есть желающие *продать* десять тысяч акций по 54,48, но никто не предлагает за них больше 54,40 руб. Даже купив прямо сейчас четыре тысячи акций по рынку, то есть по цене 54,48, Пит мог бы получить по десять копеек прибыли с каждой акции. Но, во-первых, он верил в дальнейшее падение, а во-вторых, что такое четыреста рублей дохода на активы в три миллиона? Доходность — чуть больше одной сотой процента. «Черт! Ну почему я не продал хотя бы на миллион?!»

Уровень 54,40 выглядел весьма крепко — по этой цене имелись желающие купить более ста двадцати тысяч акций. «Такую стену разом не прошибить...»

— Эй, Пит, ты-то себе будешь «аську» ставить? — раздался за спиной голос Антона. — Инне я уже поставил, так что сможете общаться, не вставая со стульев.

— Что? Да... То есть нет... позже, Антон.

— О! Я вижу, у тебя процесс пошел. Продаешь? Покупаешь? — Антон подошел ближе и заглянул через плечо Пита в монитор.

— Продал «Ростелеком».

— Ну, тогда с почином тебя!

Антон повернулся к выходу из отсека и прокричал в зал.

— Господа, сушите весла! Пит продает «Ростелеком»!

— Правильно делает, — тут же откликнулся чей-то голос, — сейчас если 54,40 пробьют, покупка уйдет на 54 ровно, а там начнут крыть стопы, и 53 увидим!

— Хрен они его пробьют, — отозвались из другого отсека, — сейчас отскок будет.

— Дался вам этот «Телеком», лучше на «Татку»¹ мою посмотрите! — Пит узнал голос Гожина, с которым он сидел в противоположных отсеках, спиной к спине.

— А сам-то чего не торгуешь? — обращаясь к Антону, Пит продолжал смотреть на монитор.

— Вообще-то мы пообедать собрались сходить. Времени третий час. Ты пойдешь?

— Не, я пока не проголодался.

— Ну, как знаешь, — как то слишком быстро согласился Антон.

«Какой к черту обед?! Ну почему я не продал на миллион?!» От ста двадцати тысяч акций «Ростелекома», составлявших ценовой барьер перед предполагаемой пропастью, осталось уже только двадцать пять тысяч. Появились продажи по 54,43. «А может еще не поздно? Я ведь использовал только одну четырнадцатую данных мне возможностей». Пит просмотрел

¹ «Татка» — жаргонное наименование акций «Татнефти».

данные по другим бумагам. Рынок рос! Хваленая Гожиным «Татнефть» поднялась уже почти на два процента. «Фигня, это только нефтянка растет, потому что нефть дорожает. Что там с энергами? РАО ЕЭС — плюс процент, «Мосэнерго» — плюс три с половиной процента! А вот это уже странно, надо бы почитать новости». Он открыл quote.ru и пробежался взглядом по заголовкам свежих деловых новостей. Верхние строчки по прежнему были посвящены «ЮКОСу»: «*В интервью газете The Financial Times финансовый директор “ЮКОСа” Брюс Мизамор заявил, что компания может объявить о банкротстве уже в течение ближайших нескольких дней...*» «Если рынок посчитал это хорошей новостью, значит, я — непроходимый тупица», — подумал Пит. Внутренний голос лишь выразительно фыркнул.

Снова вернув на экран окно терминала, Пит с ужасом заметил, что за то время, пока он читал новости, цена покупки поднялась до 54,60. Количество желающих продавать стремительно сокращалось. Полностью закрыть свою позицию он мог уже только по 54,70. «Ты, кажется, убивался, что не продал на миллион по 54,58? У тебя есть шанс исправить это упущение. Смотри-ка, уже по 54,80 с руками отрывают!» — внутренний голос был прав, акции «Ростелекома» активно кинулись догонять рынок. И хотя убыток составлял сейчас чуть больше тысячи рублей, было очень обидно потерпеть поражение в своей первой реальной сделке. Она казалась Питу очень символичной, и потому он решил не закрывать позицию. «Во-первых, какой смысл откупать по 54,80–54,90, когда на пятидесяти пяти ровно наверняка стоит хорошее сопротивление? Во-вторых, под ударом оказалась лишь одна четырнадцатая часть моих активов. Даже если цена уйдет еще на два процента выше, я потеряю в общей доходности всего около двух десятых процента. Господи, спасибо, что не дал мне продать на миллион!»

— Зря не пошел с нами обедать, у тебя уже усталый вид, — на входе Петинного отсека стояла улыбающаяся Инна.

— Ты совершенна права, лучше бы я пошел обедать, — кивнул Петя.

Час назад он все-таки не удержался и удвоил свою позицию, когда цена «Ростелекома», не сумев преодолеть отметку в пятьдесят пять рублей ровно, начала откатываться вниз. Наряду с произошедшей в этот момент общей остановкой роста это указывало на возможность разворота. Теперь Петя должен был откупить уже восемь тысяч акций, проданных им по средней цене 54,75. Но разворота не случилось. Уже через полчаса цена, со второй попытки легко пробив сопротивление продавцов на отметке пятьдесят пять рублей, без существенных остановок дошла до 55,70.

К концу дня бесстрастный терминал показывал, что лучшая цена, по которой Пит может откупить проданные им за день акции и закрыть позицию, составляет 56 рублей 48 копеек. Акции «Ростелекома», начиная с первой Петинной сделки, выросли на 3,52 % — больше, чем «Татнефть», которую весь день нахвалявал Гожин! Закрыв позицию по такой цене, Пит потеряет на ней около четырнадцати тысяч рублей. Оставить позицию открытой, перенести ее на новый день означало бы дополнительные расходы (проданные без покрытия бумаги взяты в долг, а за любой кредит надо платить. Бесплатное кредитование бумагами и деньгами допускается только внутри дня — от открытия до закрытия одной торговой сессии). К тому же происшедшее во второй половине дня сильное ценовое движение повышало риск того, что на утреннем открытии котировки могут стартовать с более высокого уровня.

Потери Пита составляли всего-то полпроцента от активов, но ведь это на первой же сделке! Да еще и при значительном росте всего рынка, во время которого он просидел «в деньгах» с одной-разъединственной открытой позицией, мелкой, но убыточной и приковавшей к себе все его внимание. «Что ж, по крайней мере, урок ясен — нельзя эмоционально привязываться к своим открытым позициям, приписывая им большее значение, чем они заслуживают. Наверняка это написано в одной из тех книжек

о рынке, что я прочитал совсем недавно и, по идее, еще не должен был забыть».

Гожин стучал вилкой по краю рюмки с текилой, привлекая к себе внимание уже несколько разомлевшей компании.

— Наш вечер знакомств и праздник первой получки продолжается! И очередной тост я хочу, чтоб мы выпили за тех, кого с нами нет.

— За Абрамовича, что ли? — заржал Шилов.

Ближе к закрытию торгов в Зеленем зале созрела и быстро распространилась идея отпраздновать первый день совместной работы. Антон предложил пойти в ту самую кафешку, где они с Инной сегодня уже побывали и отведали бизнес-ланч. Меню обещало, что вечером это кафе превратится в мексиканский ресторанчик. От коллектива сразу откололись Старик с Якимовым, оказавшиеся единственными в команде семейными людьми, Технарь, краснея, «отпросился» на лекции в институт, вечернее отделение которого он еще не окончил, что, впрочем, вполне соответствовало его юному возрасту. Абрамов тоже не пошел, ссылаясь то на больную бабушку, с которой они вдвоем проживают, то на неприспособленность своего организма к употреблению крепких спиртных напитков.

— Пока никто из нас еще не продулся, — выдал свою версию тоста Шишилов. — Хотя не факт. Беликов вон весь день «Ростелеком» продавал, а он под четыре процента вымахал, так что, может, завтра скажут, что у нас уже первые потери. А, Пит? Неприбыльным делом оказалось «телом» торговать? Колись, сколько хозяйских денег спустил?

— Полпроцента, — нехотя отозвался Петя. Привлеченное внимание коллег, да еще и по такому поводу его тяготило, но скрывать свой результат не имело смысла, завтра он все равно появится на Доске почета.

— Всего-то? Да ты, похоже, еще тот перестраховщик. Теперь понятно, почему ты ПИТ!

— Почему? — опешил Петя.

— Потому, что это расшифровывается как Паевой Инвестиционный Трейдер. — Все сидящие за столом, включая самого Петю, засмеялись удачной шутке. Как ни странно, даже часто страдающий ипохондрией внутренний голос не усмотрел в данном случае повода для обиды. — Хочешь, значит, как паевой фонд, по зернышку капитал собрать? А вот мы с Шилом чистые спекули, правда, брат? Давайте за спекулянтов выпьем!

Вечер удался уже потому, что упрочил приятельские взаимоотношения не только среди курящих членов нового коллектива. Впрочем, в этот раз, дабы не быть пассивными потребителями никотина, курили уже все, в том числе и Инна. Она сидела далеко от Пети, как и все, пила текилу, хотя и в меньших дозах, много смеялась и с улыбкой отзывалась на выражение внимания к ней со стороны каждого из присутствующих парней. Петя понял, что так удачно доставшуюся ему утром фору в завязывании более близких отношений с единственной в их команде представительницей прекрасного пола к вечеру того же дня он столь же легко потерял. И вполне возможно, что эта потеря была гораздо более серьезной, нежели так напрягшие его сегодня полпроцента инвестиционного убытка. Он еще более убедился в этом, когда, выйдя из спертой атмосферы маленького ресторанного зала покурить на воздух, услышал вопрос увязавшегося за ним Шилова, которого уже изрядно штормило от выпитого.

— Слушай, Че-то я не въехал, Инна твоя телка?

Несмотря на грубый эпитет, Петя поймал себя на том, что ему хотелось бы ответить на этот вопрос утвердительно. Это прибавило бы ему очков в глазах, по крайней мере, части их мужского коллектива, но приходилось признать, что ни схитрить, ни пойти против истины в данном случае не удастся. Однако придать своему ответу некоторую иносказательность у него все-таки получилось:

— Нет пока. Мы в лифте познакомились. — Вот так, без уточнения, когда и в каком лифте, да еще и с этим загадочным «пока».

— Понятно. А мы-то с Шипой думаем: «Во дает чувак, сам в де-

сятку пролез и телку с собой протащил». Че я раньше не додумался?! Надо было мне не Шипу с собой тащить, а девочку по-симпатишнее, а?

— Тебе что, в клубах девочек мало? Кермит... ну, в смысле, шеф же сказал, что за привод посторонних того... расстрел.

— Да я не про посторонних! Ты думаешь, Шипа как сюда попал? Я его протащил, понял? Я ему как другу все сделки диктовал, какие сам делал. Как в школе — списать дал по-дружески, — с последним словом заплетающийся язык Шилова справился лишь с третьей попытки. — Я прикинул, слышь, если я попаду, то и он со мной будет, результаты-то одинаковые должны быть, раз сделки одни и те же, прально? Ну, там, плюс-минус за счет про-скальзывания по времени. И все сработало как часы — я первый, он второй. Вместе ж веселее, прально? ...Не, ну ты молодец, Инку привел — тоже прально, уважаю! Без баб тоже скучно, скажи?

Петя, дабы уклониться от скользкой тематики и норовившего обнять его пьяного Шилова, предпочел вернуться в зал. При этом он нес с собой не только нового приятеля, но и план восстановления утраченных во взаимоотношениях с Инной позиций. Принятию этого решения, несомненно, способствовала текила, горячая кровь.

Но, успешно сдав набравшегося коллегу со своего плеча на руки его приятеля, избавиться от некомфортного поворота теперь уже в общей беседе он не сумел. Дело в том, что в его отсутствие за столом началось обсуждение перипетий виртуального конкурса, что, по понятным причинам, было для Пети довольно скользкой темой.

— Пит, а ты под каким ником в конкурсе был? — прокричал ему Антон, сидевший рядом с Инной.

— Bankir, — нехотя отозвался Петя.

— Помню такой, — кивнул Гожин, — только, по-моему, ты даже в сотне только в последнюю неделю появился, нет? А в десятку вообще в последний момент впрыгнул.

«Дает же Бог наблюдательность некоторым, а?» — зло подумал Петя.

— Да, повезло просто. Вовремя «Сибнефть» купил перед объявлением о промежуточных «дивах».

— Серьезно? На одной «Сибнефти» так поднялся? Сколько ж ты ее купил и почему? — профессиональный интерес заставил протрезветь даже Шилова. Да и остальные были не прочь произвести в уме расчеты доходности по условиям подвернувшегося примера, дабы блеснуть перед новыми знакомыми своими математическими способностями, несомненно ценными для профессии трейдера.

Не столько носом, сколько сразу всем нутром Петя почувствовал запах «подгоревшего на кухне» буррито. «Сейчас тебя спалят, — грустно подтвердил его опасения внутренний голос, — как пить дать вычислят». Конечно, Серега сделал все так, чтобы даже при тщательной проверке всех биржевых операций, якобы совершенных Петей во время виртуального конкурса, ни у кого не возникло бы подозрений в закономерности получившегося в итоге результата. Все его столь прибыльные операции *могли бы* быть совершены, но для этого потребовалась бы чертова уйма везения. Фокус заключался в том, что выгодные сделки приписывались участнику под ником Bankir задним числом, то есть тогда, когда их выгодность уже не вызывала сомнений. Таким образом, в его распоряжении было не только «знание прикупа», но и мечта трейдера — своеобразная «машина времени», позволявшая совершать сделки после заглядывания в будущие котировки. Грубо говоря, Серегин знакомый, имевший доступ к реестру сделок всех участников конкурса, просто дописывал к Петиним сделкам прошедших дней покупки тех бумаг, которые к настоящему времени уже существенно выросли. В такой «игре наверняка» он был обречен стать одним из победителей.

Конечно, Серега описал ему всю технологию работы этой «фабрики одной звезды», и Петя мог бы «припомнить» «свои» самые удачные сделки, но он прекрасно понимал, что не сможет сделать это достаточно достоверно для тех людей, которые в течение месяца жили в настоящей атмосфере этого конкурса. В отличие от описания реальной ситуации, он не смог бы упо-

мянуть обо всех тонкостях и нюансах, сопровождавших процесс его успешного трейдинга, как это с легкостью сделал бы любой «настоящий» трейдер. Поэтому он предпочел незаметно замять скользкую тему. Маневр удался, но чувство неловкости и ощущение потенциальной опасности остались. Выйти курить на улицу второй раз подряд показалось подозрительным, да и не факт, что подобное желание не проявит на этот раз вся компания. Сославшись на некие неотложные дела, он попрощался.

«В понедельник торги проходили не слишком активно. К концу торгового дня индекс РТС вырос, по сравнению с предыдущим закрытием, на 0,57 % и составил 558,55 пункта. Разброс прироста в стоимости акций различных компаний составил от 0,46 % (для «Норильского никеля») и до 5 % («Мосэнерго»). Среди остальных участников можно выделить «Ростелеком», акции которого подорожали на 3,52 %...» При упоминании диктором «Ростелекома» Петя уткнулся в подушку и застонал: «Если я не закрою сегодня эту позицию, она будет преследовать меня всю жизнь. Ну сколько можно расти?!»

Войдя в Зеленый зал, Петя не обнаружил никого из тех, кто был с ним вчера в кафе. На месте оказались только Старик («Доброе утро, Пит! Кажется так вы просили себя называть? Как вчера посидели?») — «Отлично, Михаил Викторович, жаль, вас с нами не было» — «Ай, бросьте!») и Абрамов, старательно переписывающий в свой блокнот информацию с Доски почета.

Эту информацию, сверяясь с бумагами из папки, зажатой в левой руке, на экран переносила незнакомая женщина. Она повернула голову в сторону вошедшего Пети, в результате чего тут же выронила из папки красный маркер. Петя успел к нему первым.

— Здравствуйте.

— Доброе утро... — она посмотрела на его бэйджик, — господин Беликов, спасибо.

Женщине было около тридцати, причем, скорее всего, «с хвостиком», но умело нанесенный макияж, короткая стрижка покрашенных в радикально черный цвет волос и тонкие чер-

ты лица умело этот «хвостик» маскировали, а заодно и вызывали в памяти заезженный, но подходящий к случаю эпитет «женщина-вамп». Надетый, несмотря на жару, короткий приталенный пиджак и узкая юбка, заканчивающаяся не то чтобы намного, но заметно выше колен, подчеркивали стройность ее фигуры.

— Не за что, — улыбнулся Петя.

Несмотря на то, что женщина превосходила его по росту (даже если бы сняла свои туфли на высокой шпильке), он, как ни странно, не испытывал, стоя рядом с ней, какой-либо неловкости или стеснения — возможно, потому, что подсознательно считал говорящую в его пользу разницу в возрасте достаточным психологическим противовесом. Петя задержал взгляд на груди незнакомки, якобы внимательно вчитываясь в текст прикрепленного рядом бэйджа.

— Может быть, я вам поддиктую, Евгения Михайловна, вам же неудобно так писать.

— Лучше просто подержите папку.

Она приняла его помощь, как нечто само собой разумеющееся. «Не эмансипатка, — подумал Петя, — скорее даже эта дамочка избалована мужским вниманием». «Ты второй день подряд ведешь себя как завзятый ловелас, — откликнулся внутренний голос. — Жениться тебе пора, барин!»

— Так вы, значит, и есть наш риск-менеджер?

— Я представляюсь, как только все соберутся. А сейчас мне нужно закончить с этой таблицей.

После столь конкретного отшива Пете оставалось лишь слушать молчаливой подставкой под папку с бумагами и вознаграждать себя осторожным заглядыванием за изгибающийся волной при поднятии руки лацкан ее пиджака.

В этой роли его и застали пришедшие друг за другом Антон и Инна. Первый отреагировал на увиденное озорным подмигиванием, Инна же сначала удивленно подняла брови, потом, прыснув в кулак, быстро скрылась в своем «кабинете». «И все-таки она простовата», — подумал Петя.

Футболисты, явившиеся последними, увидев женщину-вамп, переглянулись и присвистнули. После чего, выкатившись на своих креслах в центральный проход, стали откровенно разглядывать со спины ее фигуру.

Тем временем незаполненной в таблице осталась лишь последняя строчка. Евгения Михайловна, заглянув в бумаги, посмотрела затем на Петю с ироничной, но без тени насмешки улыбкой. Он ответил ей пантомимой из грустной улыбки и виноватого пожатия плечами, после чего со вздохом протянул тот самый, поднятый с пола, красный маркер. Она улыбнулась уже без всякой иронии и вписала в оставшуюся строчку его фамилию.

Итоговая таблица первого дня выглядела следующим образом.

Фамилия	Результат, %
Гожин	+0,98
Шипилов	+0,60
Шилов	+0,59
Якимов	+0,22
Путилов	+0,15
Уваров	+0,03
Абрамов	0
Илющенко	0
Сауляк	0
Беликов	-0,48

Результат Пети был в этом списке единственным красным пятном. Не менее красным, чем щеки молодого человека в тот момент, когда его столь эффектная начальница зафиксировала этот позор.

— Прошу внимания! Меня зовут Евгения Михайловна и, возможно, вы уже в курсе, что именно я буду следить за всеми вашими сделками и исполнять здесь функции вашего риск-менеджера, или бэк-офиса, кому как больше нравится, — оповестила она собравшихся трейдеров, не сочтя нужным даже поблагодарить Петю за помощь.

— Ради такого «бэка»¹ можно согласиться и на риск, — отпустил сальную шутку Шипилов.

— Серьезно? А, по-моему, вам, молодой человек, больше нравится «бэк» Шилова, за которым вы упрямо следуете в своих сделках. Настоятельно рекомендую вам отказаться от подобной практики. Нам не нужны трейдеры-близнецы. Если по итогам сегодняшних торгов я не увижу в ваших сделках признаков индивидуальности, вы получите первое предупреждение, независимо от показанной доходности. Это ясно?

Было заметно, как Шипилов покраснел. «Да она просто солдат Джейн!» — восторженно подумал Петя.

— Что ж, давайте знакомиться дальше. Насколько я знаю, правила игры вам вчера объяснили вполне доходчиво. Господин Шипилов любезно предоставил мне возможность на примере показать, что я имею полномочия давать вам рекомендации и даже ставить некоторые условия... Господин Уваров, где вы? Подайте знак, пожалуйста... — Технарь робко поднял руку. — А к вам у меня будет скорее просьба. За вчерашний день вы совершили сделок больше, чем все остальные ваши коллеги, вместе взятые. Надеюсь, вы поверите на слово, что мне есть чем заняться по вечерам, кроме как разбираться в мешанине ваших переменчивых рыночных настроений. К тому же, как мы видим, — она указала на экран, — итоговый результат не оправдывает ваших титанических усилий поймать прибыль на каждом колебании цены. Попробуйте стрелять реже, но точнее.

— Я ж по системе... — начал было Технарь, но дама уже повернулась к нему спиной, давая понять, что ответное слово ее регламентом не предусмотрено.

— Надеюсь, именно этим принципом руководствовались господа Абрамов, Илющенко и Сауляк, которые, напротив, очень облегчили мне работу с их счетами, не совершив за вчерашний день ни одной сделки. («Чем же они занимались?» — ревниво подумал Петя). Также надеюсь, это не означает, что указанные

¹ Слово «back» можно перевести с английского, как «зад».

господа решили, будто таким вот способом они смогут избежать минусовых результатов. На всякий случай сообщая, что нулевой результат у нас приравнивается к отрицательному, поэтому с завтрашнего дня я буду писать нули красным маркером. К остальным у меня пока нет претензий. Жду ваших вопросов.

— Позвольте поинтересоваться, какой метод вы используете для оценки стоимости бумаг, находящихся в портфеле? — в свойственной ему манере спросил Старик.

Кстати, Петю этот вопрос тоже интересовал. С имеющимися на счете деньгами все понятно, они берутся, как есть, а вот по какой стоимости при расчете результатов работы учитывать имеющиеся, или, наоборот, проданные в долг бумаги? Например, для расчета налогов брокерами обычно используется цена приобретения бумаг. То есть, если вы купили бумаги по пять рублей и не продавали их до конца года, при этом на 31 декабря их цена поднялась уже до десяти рублей, налог вам все равно не насчитают, потому что вы еще не превратили бумажную прибыль в реальные деньги. Да, у вас при таком раскладе вроде бы имеется стопроцентная прибыль, но пока вы не продадите свои подорожавшие акции, эта прибыль остается нереализованной, потому и называется «бумажной». И в целях налогообложения считается, что каждая купленная вами акция по-прежнему стоит столько, сколько вы за нее заплатили, то есть — пять рублей.

Джейн с искренней благодарностью кивнула Старику.

— Спасибо за то, что не позволили мне упустить из виду этот действительно важный вопрос. Для оценки «голубых фишек» в ваших портфелях мы пользуемся их последней биржевой ценой. Для остальных акций мы определяем цену, по которой в данный момент возможна полная ликвидация вашей позиции. Так что будьте осторожны с неликвидами. Цена вашей личной сделки с этими бумагами не имеет значения. Ваши активы — это остаток денег на счете плюс стоимость имеющихся бумаг по только что описанной мной расчетной цене и минус стоимость бумаг, проданных вами «в шорт», которые вы должны брокеру на момент закрытия, — с этими словами она выразительно по-

смотрела в сторону Пети. — Напомню, что стоимость *овернайт-та*, то есть размера комиссии за маржинальный кредит, взятый вами деньгами или бумагами, составляет одну сотую процента от общего объема кредита за каждый перенос долга на новый день.

— Дороговато за ночь-то берете, — видимо, решив отомстить за приятеля, отпустил двусмысленную реплику Шилов.

— Зато это действенный метод для избавления от назойливых, но мелочных желаний, — тут же отреагировала Джейн, вызвав многочисленные усмешки.

— Урыла обоих, — восхищенно прокомментировал Антон.

— Если появятся еще какие-нибудь вопросы по теме, меня иногда можно застать в первом от входа кабинете.

Стрелки часов, висящих высоко над входной дверью, приближались к 10:30 — времени открытия торгов на площадке ММВБ. Пит, готовый вступить в бой за свои потерянные полпроцента, решительно включил компьютер. Для начала он просмотрел свежие сводки с зарубежных рынков.

Роль продавца — «медведя», а не «быка», — была для него непривычна. В таком положении Пете приходилось желать поступления плохих финансовых новостей. Но, к его сожалению, сайт РБК жизнерадостно сообщал, что все американские индексы заметно повысились: Dow-Jones увеличился на 1,31 %, S&P — на 1,37 %, Nasdaq — на 1,46 %. Петя досадливо поморщился. Закрывание американцев при отсутствии собственных значимых новостей нередко определяло утренние настроения российских трейдеров. Он с надеждой перевел взгляд на Европу, но и тут его ждало разочарование. Английский «футси» (FTSE) тоже вырос — на 1,13 %; французы поднялись на 0,91 %; немецкий DAX, наиболее значимый из европейских индексов для российского рынка, тоже поднялся на 1,43 %. Даже японцы с момента своего раннего открытия уже успели подрасти на 0,56 %.

Единственной отдушиной для его «медвежьей» позиции было то, что цены на нефть и в Америке, и в Европе несколько снизи-

лись — примерно до сорока пяти и сорока трех долларов соответственно.

Судя по результатам на Доске почета, никто из трейдеров Зеленого зала не рискнул пока всей предоставленной им суммой. Отсюда даже неплохая в обычном понимании прибыль в рублях превращалась в несерьезные цифры доходности по отношению ко всему капиталу. Необходимо было подумать в этом направлении.